

РЕЦЕНЗИИ

Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда; отв. ред. А.В. Мальгин, М.М. Наринский. М.: Аспект Пресс, 2010. 823 с.

История российско-польских отношений в XX в. была непростой. Она полна белых пятен, которые и сегодня вызывают острые споры и дискуссии в общественных и академических кругах. Порождая различные интерпретации тех или иных эпизодов они, тем не менее, не являются главной причиной разногласий между Польшей и Россией. Гораздо больший диссонанс и недоверие в отношения между двумя странами вносили бесчеловечные по своей жестокости преступления и ложь о них. Ложь всегда порождает недоверие, а на нем добрых отношений построить нельзя. Рецензируемая книга представляет собой попытку преодолеть это недоверие, избавив российско-польскую историю от предвзятых и идеологизированных трактовок.

Уникальность данного труда заключается в том, что он создан коллективом российских и польских ученых, вошедших в состав Группы по сложным вопросам российско-польских отношений. Вся история отношений России и Польши в XX в. была поделена на периоды, которые освещались зеркально. Данный подход вносит большой вклад в лучшее понимание российско-польской истории, так как он дает возможность посмотреть на проблемы в отношениях с разных точек зрения. В книге поднимается большое количество сложных вопросов, позволив себе остановиться на некоторых из них.

Открывает книгу глава Г. Матвеева, Т. Наленч и Д. Липиньской-Налет о начальном периоде отношений между Польшей и Советской Россией, где большое внимание уделяется войне 1919—1920 гг. Авторы подчеркивают ее взаимосвязь с Гражданской войной в России, исход которой зависел в том числе и от действий Польши. Эта точка зрения разделяется большинством современных польских историков¹, однако в отечественных трудах по данной проблематике такая позиция является редкостью.

В главе также ставится вопрос о судьбе пленных красноармейцев, который в настоящее время часто фигурирует в российском общественно-политическом дискурсе как «антикатынь». Авторы указывают на то, что число потерь войск Советской России установить невозможно из-за отсутствия достоверных данных, но, по их оценкам, в польский

---

¹ См., например: *Garlicki A. Józef Piłsudski: 1867—1935. Kraków, 2009. S. 334—335.*

плен попало около 80 тыс. красноармейцев. Многие из них погибли от эпидемий, недоедания, потери крови и переохлаждения. Более 30 тыс. пленных вступили в антисоветские отряды С. Петлюры, А. Сальникова и др. Были и бежавшие и не пожелавшие вернуться на родину. Но авторы подчеркивают, что в лагерях для военнопленных ни поляки, ни большевики расстрелов не проводили, а понятие «антикатынь» возникло в конце 1980-х гг. ради сглаживания эффекта признания Советским Союзом катынского преступления.

На страницах книги развернулась интересная дискуссия между польскими и российскими историками на тему эффективности концепции равноудаленности, которым руководствовало правительство Польши в межвоенный период. Польский исследователь В. Матерский подчеркивает проблемность этого подхода, противоречащего, по его мнению, региональным системам безопасности того времени. С В. Матерским не соглашается другой польский историк — С. Дембский, который пишет о том, что ошибка Польши заключалась не в том, что она придерживалась политики равноудаленности, а в том, что руководству страны не удалось следовать ей до конца. С. Дембский пытается объяснить внешнюю политику Польши того периода стремлением вести свою игру в международных отношениях, а агрессия против Чехословакии была демаршем, направленным против попыток Англии и Франции договориться с А. Гитлером. То есть ошибки польской дипломатии, с его точки зрения, были не стратегического, а тактического характера.

В полемику с польскими историками вступает российский ученый М. М. Наринский, который пишет, что Польша в 1930-х гг. лишь в теории следовала политике равноудаленности, а в реальности опиралась на сотрудничество с германским правительством. В доказательство автор приводит политику страны во время чехословацкого кризиса, указывая на то, что польское руководство фактически солидаризировалось с гитлеровской Германией. Однако следует отметить, что подход М. М. Наринского весьма схож с толкованием польской внешней политики в советской историографии².

Пристальное внимание в книге уделяется началу Второй мировой войны. Так, например, С. Дембский возлагает ответственность за развязывание войны на участников пакта Молотова — Риббентропа, не умаляя, конечно, в этом роли Гитлера. Однако замечание С. Дембского о том, что не только Германия, но и СССР нарушил международные договоры и совершил акт агрессии против Польши, справедливо. Эту позицию разделяют Н. С. Лебедева, А. Пшевозьник, А. Гловацкий, а М. М. Наринский заявляет, что тактический выигрыш И. Сталина от сделки с А. Гитлером в 1939 г. обернулся для СССР стратегическим поражением в 1941 г.

Важнейшей темой книги являются репрессии сталинского периода. В. Матерский указывает на то, что они с 1931 г. применялись в том числе и к полякам, населявшим западные районы СССР. Он, однако,

---

² *История дипломатии. Т. 3: Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы / под ред. А. А. Громько [и др.]. М., 1965. С. 765.*

отмечает, что в репрессиях власти руководствовались не национальными принципами, а классовыми, так как поляки во время коллективизации не поддались советской пропаганде, сохранив свои политические взгляды и культурную обособленность, дистанцируясь от социалистических идей. С таким утверждением соглашается российский историк Н. С. Лебедева, при этом подчеркивая, что репрессии против польских военнопленных и мирных граждан были не случайностью, а частью советизации и деполонизации территорий, присоединенных осенью 1939 г. Таким образом, мнение о том, что сталинские репрессии осуществлялись не по национальному, а по политическому и социальному признаку, — общее для польских и российских исследователей. Это исключает возможность интерпретации международным правом сталинских репрессий как геноцида, но позволяет квалифицировать их как преступление против человечности.

Отдельное место в книге занимает история катынского расстрела. Н. С. Лебедева, А. Гловацкий и А. Пшевозьник убедительно доказывают, что он был совершен НКВД по указанию высшего политического руководства СССР. Вопреки нормам международного права после оккупации Восточной Польши военнопленные поляки перешли в ведение НКВД, из них более 20 тыс. были помещены в лагеря, а затем расстреляны. А. Пшевозьник указывает, что подавляющее большинство уничтоженных пленных не являлись профессиональными военными. Это были люди разных национальностей и разных гражданских профессий, которые стали первым поколением, воспитанным в независимой Польше. По справедливому замечанию И. С. Яжборовской, «катынское дело» на сегодняшний день не завершено ни с правовой, ни с морально-политической стороны и остается болевой точкой в двусторонних отношениях.

Большое внимание в исследовании уделено послевоенному устройству Польши. А. Ф. Носкова справедливо полагает, что оно зависело не столько от поляков, сколько от лидеров антигитлеровской коалиции, которые монополизировали право решать судьбу малых стран. Будущее Польши было определено в составе социалистического блока с прямым и сильным влиянием на ее политику и экономику СССР, однако, как считает В. Бородзей, в 1949—1955 гг. продуманной и дальновидной политики у советского руководства по отношению к Польше не было, все решалось «в ручном режиме». Между тем польский историк А. Гловацкий, говоря о плюсах вмешательства СССР в дела Польши — ликвидации безработицы, расширении сети лечебных учреждений и доступности образования, кино, театров, библиотек, пишет, что в общем при послевоенном устройстве Польши советские преобразования сопровождались растратой ресурсов, снижением уровня производства и жизни населения, ухудшением трудовой дисциплины, выхолащиванием польской культуры, уничтожением традиционных политических институтов, распространением доноительства и недоверия.

Большой проблемой, по мнению авторов книги, стали экономические аспекты дальнейшего развития Польши и ее взаимоотношений с СССР в эпоху «народной демократии». А. Ф. Носкова отмечает, что экономика Польши того периода была основана на принудительном

управлении и политическом распределении капиталовложений в пользу средств производства и оборонной промышленности, «подавляла потребление, рождая внутренние пределы своего существования». Польский исследователь Я. Калиньский указывает на то, что до 1949 г. СССР, опираясь на самоуправство советских военачальников, «эксплуатировал» польскую экономику с навязыванием системы цен и расчетов, оторванной от мирового рынка.

СССР поспособствовал развитию тяжелой промышленности и ВПК в Польше. Как писал польский экономист С. Гомулка, в 1950-х гг. страна имела ощутимый торговый профицит по сельхозтоварам и полезным ископаемым, который позволял ей оплачивать более технологичный импорт. Но в последующие годы высоких темпов индустриализации и урбанизации внутренний спрос на сельхозтовары, сырье и полезные ископаемые для нужд растущей промышленности рос значительно быстрее, чем их внутреннее производство³. Это повлекло за собой увеличение зависимости Польши от поставок советского сырья и привело к колоссальному дефициту во внешней торговле с СССР. Но, как отмечают А. Ф. Носкова и В. Бородзей, индустриализация по-советски и вынужденный отказ Польши от плана Маршалла были фактически вынужденной платой за признание польской границы по Одру. Такая система хозяйствования не могла способствовать росту благосостояния населения, а следовательно, не имела перспектив дальнейшего экономического развития.

Опыт политических и экономических постсоциалистических трансформаций в России и Польше вызвал особый интерес исследователей. Прежде всего авторы книги указывают на различную идеологическую преемственность правящих классов в России и Польше. Современная политическая элита Польши вышла из диссидентских кругов времен «народной демократии» и имела тесные связи с эмигрантскими интеллектуальными кругами, унаследовав их идеологические концепты. У современного российского истеблишмента прослеживается идеологическая связь с советской номенклатурой, которая игнорировала идеи диссидентов. Возможно, это сказалось на скорости и глубине политических и экономических реформ в двух странах. Реформы в Польше были начаты раньше, чем в СССР. Это оказало положительное влияние на дальнейшее экономическое развитие Польши. Более того, как пишет Л. Б. Вардомский, польское руководство лучше считало деньги и не занималось, в отличие от СССР, идеологической благотворительностью. В России проблема дефицита квалифицированных и гибких политиков наблюдалась в 1990-е гг. Как заметили В. Г. Барановский и Б. А. Шмелев, в СССР экономикой управляли советские хозяйственники, не представлявшие иных способов управления, кроме как через Госплан; новая же российская элита управлять по-старому не

---

³ *Gomulka S.* Specific and systemic causes of the Polish crisis, 1980—1982 // *Stanisław Gomulka i transformacja polska: dokumenty i analizy 1968—1989 / pod red. T. Kowalika.* Warszawa, 2010. S. 917.

хотела, а по-новому не могла. Через некоторое время стало ясно, что Польша и Россия пошли по разным путям политико-экономического развития: первая выбрала либерально-рыночную модель, а вторая — авторитарно-олигархический капитализм.

Актуальнейший вопрос для авторов книги — какая Польша и какая Россия сегодня строят двусторонние отношения, и какими эти отношения станут в будущем. Исследователи отмечают, что Польша сегодня стоит на пути к становлению либерально-демократического государства и участвует в мировых и региональных интеграционных процессах. Польское общество вступило в XXI в., решив вопросы политической, исторической и идеологической преемственности. В России ситуация иная: десоветизация не была проведена, а демократические традиции в стране слабы. По мнению Н. И. Бухарина, до половины россиян продолжают позиционировать себя как советские люди. Поэтому вполне понятна обеспокоенность ученых по поводу того, что нынешняя российская государственная элита все больше осознает и реализует преемственную связь между советской и российской внешней политикой. Это вызывает опасения, что Россия не хочет порвать с тоталитарным прошлым и укрепляет представление о себе как о продолжении коммунистического государства, опиравшегося на спецслужбы. Этот факт стал оказывать негативное влияние не только на развитие российского общества, но и на российско-польские отношения, так как за рубежом создается впечатление, что Россия меняется снаружи, но остается все той же советской внутри⁴.

Подводя итог, необходимо отметить, что рецензируемая книга является первым объемным научным трудом о российско-польских отношениях в XX в., в котором сделана совместная попытка озвучить их историю без существенных и намеренных искажений и найти взаимопонимание по сложным вопросам. В работе поднимаются острые и актуальные темы, дающие почву для дискуссий, а также предлагаются возможные направления дальнейших научных исследований. В изложении исторических событий между польскими и российскими авторами есть противоречия, но они высказаны открыто и не носят конфликтный характер. Легко заметить, что ученые обеих стран признают тесную связь истории и политики, стремятся честно подойти к проблеме российско-польских отношений и едины во мнении, что для продолжения ее продуктивного изучения требуется предоставить друг другу доступ в архивы и говорить правду. Книга, безусловно, будет интересна не только специалистам-международникам, но и всем тем, кто интересуется историей России и Польши.

И.В. Грецкий,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры
европейских исследований факультета международных отношений,
Санкт-Петербургский государственный университет*

⁴ *Wałęsa L. Moja III RP. Warszawa, 2007. S. 137.*